

ском языке, в конх читались стихи, воспевающие мнимые страдания и гонения, претерпанные в России армянином Налбанцкандом, сосланным будто бы в Сибирь и там умершим. Дабы положить конец этим нелепым выходкам, я поручил находившемуся здесь епископу Саркису написать истинную биографию Налбанцканда, которая была помещена в армянских газетах. С появлением описания образа жизни и похождения мнимого мученика демонстрации, по крайней мере на время, прекратились»¹.

Ответ царского посланника в Константинополе свидетельствует о популярности имени и политических взглядов Налбанцканды среди армянских прогрессивных кругов и о стремлении главы дипломатической миссии приуменьшить размах и силу гневного осуждения царского правительства за гонения, с которыми оно обрушилось на Налбанцканду. Опасаясь, что память о преследованиях Налбанцканды отрицательно скажется на влиянии армянских сторонников русской ориентации, посольство не остановилось перед провокацией. Руками реакционных армянских церковников оно пыталось оклеветать жизнь и деятельность М. Налбанцканды. Глава дипломатической миссии пытался взвалить «вину» за демонстрации против царизма на посторонние подстрекательства и, вероятно, поэтому не нашел нужным отметить,

¹ Центральный Государственный Исторический Архив (ЦГИАЛ), фонд 821, оп. 7, д. 117, л. 2, 2 об.

что события, имевшие место в апреле 1867 г. в Константинополе, связаны с первой годовщиной со дня смерти Налбанцканды.

Получив письмо из Константинополя, директор Азиатского департамента незамедлительно направляет подлинник в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Э. К. Сиверсу «для прочтения» и просит «возвратить оное, по миновании надобности, в Азиатский департамент»². Глава Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел приказал списать «приложение» (т. е. письмо посланника) и «немедля возвратить подлинник»³.

Обращает на себя внимание заключительная фраза донесения российского посланника в Константинополе о событиях в апреле 1867 г.: «демонстрации, по крайней мере на время, прекратились». В посольстве и сами не верили, что сфабрикованные ими инсинуации смогут поколебать популярность Микаэла Налбанцканды. Обнаруженные архивные документы являются убедительным свидетельством прижизненной и посмертной популярности Налбанцканды, а также говорят о том, что и после его кончины царское правительство опасалось влияния идей известного армянского революционера-демократа.

² Там же, л. 1.

³ Там же.

А. П. БАЗИЯНЦ (Москва)

НОВЫЙ ПАМЯТНИК АРМЯНСКОЙ ЭПИГРАФИКИ ИЗ КРЫМА

Крым был тем местом, где издавна проживали армяне¹. О разносторонней и плодотворной деятельности армян в Крыму

¹ Об армянских колониях в Крыму см.: *Մ. Բ ժ շ յ ն ց. Ճանապարհորդութիւն ՚ի Անատոլիան, Վենետիկ, 1830. Վ. Ա. Միքաէլի յ յ ն. Արիմի հանդիման գաղութի աստ-մութիւն. Երևան, 1964; В. А. Микаэ-*

красноречиво говорят не только страницы исторических хроник и памятные записи армянских рукописей, о ней убедительно свидетельствуют созданные ими сохранившиеся памятники зодчества и камнерезно-

ляп. На крымской земле История армянских поселений в Крыму. Ереван, 1974; А. Л. Якобсон. Крым в средние века. М., 1973, с. 105, 108, 110 и др.

Рис. 1

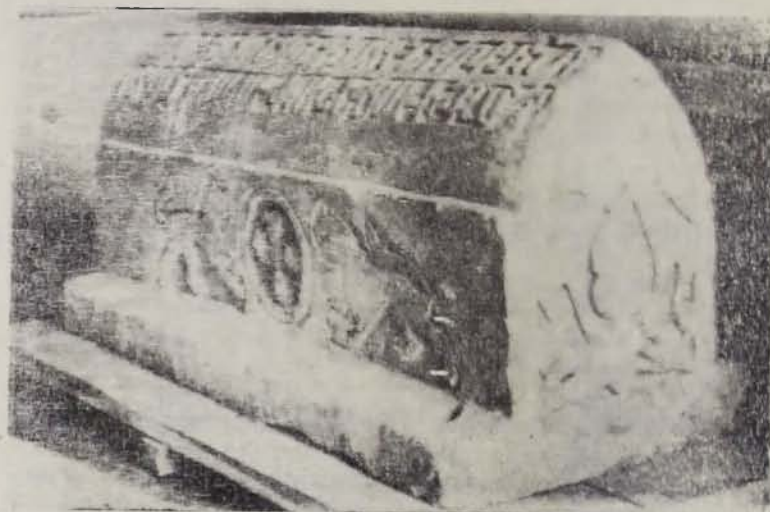

Рис. 2

го искусства². красочные миниатюры³, изделия золотых и серебряных дел мастеров⁴. Основным занятием крымских армян была торговля, но они во многом определяли и культурный облик ряда местных

Рис. 3

центров. К их числу можно отнести и Солхат или Сурхат (ныне г. Старый Крым), достигший особого расцвета в XIV в. В развитии Солхата заметный вклад внесли

² А. Л. Якобсон. Армянская средневековая архитектура в Крыму.—Византийский временник. 1956, т. 8, с. 166—191; его же. Крым в средние века, с. 119—124; О. Х. Халпахчян. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957, с. 19—23.

³ Э. М. Корхмазян. Армянская миниатюра Крыма (XIV—XVII вв.). Ереван, 1978.

⁴ А. Я. Каковкин. О ювелирном искусстве в армянских колониях (XV—XVII вв.).—Вестник обществ. наук АН АрмССР. 1978, № 8, с. 44—45. Дополнительный материал см.: Э. М. Корхмазян. Указ. соч., с. 82—83.

армяне, составлявшие в годы его процветания значительную часть его населения.

Чрезвычайный интерес для историков, лингвистов, палеографов представляют дошедшие на разнообразных крымских памятниках армянские надписи, характеризующие социальную, политическую, экономическую, культурную стороны жизни армян-колонистов. По сведениям специальной эпиграфической экспедиции АН АрмССР только в Феодосии (древняя Кафа) и в Старом Крыму (в монастыре Сурб Хач) обнаружено полторы сотни армянских надписей⁵. Цель данной заметки—публикация нового интересного памятника эпиграфики и камнерезного искусства армян Солхата.

В 1981 г. сотрудники Археологической экспедиции Гос. Эрмитажа (руководитель—М. Г. Крамаровский), работающей в Старом Крыму с 1978 г. во дворе одного дома среди каменных блоков-заготовок для надгробий обнаружили снабженное армянской надписью и украшенное резьбой надгробие⁶. Памятник представляет собой обычный в этих краях блок светло-желтого известняка. На прямоугольной невысокой плите-основании (100×43×8 см) возвышается призма, сужающаяся к одному краю и повышающаяся к противоположному; верхние края ее сходятся по дугам [100×30,5 (29)×46 (43,5) см]. Обе боковые стенки украшены почти одинаковыми изображениями: пара прогивостоящих хищников, между которыми в круге помещен равноконечный крест. На торцах—орнамент: на одной стороне—розетка (рис. 1), на другой—плетения растительных побегов (рис. 2). И фигурные и орнаментальные изображения выполнены врезным рельефом. Изображения с животными сохранили местами следы раскраски: флюиды кругов с крестами покрыты красно-корич-

⁵ Г. Григорян. Новые данные об армянских эпиграфических надписях Крыма и Северного Кавказа.—Историко-филологический журнал. 1970, № 3, с. 297—299.

⁶ Сохранность надгробия довольно хорошая: с одного бока отбита половина основания, на поверхности сколы, глубокие царапины, потертости. Памятник выставлен в залах отдела Востока Гос. Эрмитажа.

невой краской, контуры одного хищника частично заполнены розовой краской. По стилю и особенностям резьбы украшающие надгробие изображения являются характерными произведениями XIV в. Для нас больший интерес представляет армянская надпись на памятнике.

Она занимает поверхности скатов (рис. 3). На каждой стороне вырезано по две строки. Поверхность имеет в некоторых местах сколы и глубокие царапины, но поскольку начертания букв четки и выступают довольно высоко, чтение их не вызывает особых затруднений. Начало надписи отмечено традиционным крестом:

— ԱՅՍ Է ՏԱՊԱՆ ՀԱՆԳՐՍԵԳԱՆ ԳՈՐԳԻՆ ՈՐ
 Ի ՏՂԱ ՀԱՍՍՈՒՄՈՒ ՓՈԿԵՅԱԻ Ի ՔՄ
 Ի ԹՎ. ՊԺԱ. ՀՈԿՏԵՄԲԵՐԻ. ԺԲ
 Ի ՓԱՌՍ ԱՅ. ՅԻ ՔԻ ՏԵ. ՄԵՐՈՅ

Перевод: «Это место упокоения Горкина, который/в отроческом возрасте представил-

ся ко Христу/ в году 811 [+551=1362], октября 12 <дня>. /Во славу Бога Иисуса Христа, Господа нашего»⁷.

Значение публикуемой надписи состоит в том, что она, во-первых, дополняет список известных уже надписей из Крыма (к тому же, судя по публикациям, она лишь на четыре года «моложе» древнейшей из них⁸); во-вторых, перед нами довольно редкий для этой эпохи факт указания года, месяца и дня смерти Горкина.

Есть основания предполагать, что в дальнейшем работа археологов увенчается новыми интересными находками памятников армянской культуры и искусства.

⁷ Благодарю Э. М. Корхмазян, оказавшую мне помощь в прочтении надписи.

⁸ Г. Григорян. Указ. соч., с. 298.

А. Я. КАКОВКИН (Ленинград)